

Часть первая

В каждом повествовании есть свое чудовище, которое сделало девочек крутыми, а не храбрыми, так что они раздвигают ноги, а не раскрывают сердца, где, свернувшись клубочком, прячется ребенок.

Тони Моррисон

Глава 1

Филадельфия, октябрь 1948 года

МАМЫ И ДРАКОНЫ

Руби

Бабушка Нини всегда говорила, что рано — это вовремя, вовремя — это поздно, а поздно — просто неприемлемо. Пышка опять неприемлемо поздно задержалась. А знала ведь, что у меня важное дело! Мне не трудно было раз в неделю переночевать у бабушки Нини, чтобы Пышка могла подработать, убирая конторы. Я просто просила ее приходить домой вовремя, чтобы я успевала на автобус и не опаздывала на субботние факультативные занятия. Но Пышка уже третью неделю подряд заходила в бабушкину квартиру на четверть часа позже договоренного, тяжело волоча ноги и восклицая высоким голосом: «Ох, Руби, девочка моя, извини! Щас расскажу тебе, что случилось!»

Отмазок у моей кузины было больше, чем у шлюхи, которой грозит тюрьма, а мне с утра некогда было слушать ее затейливые байки. За час мне нужно было добраться аж до Южной Филадельфии, так что я просто поморщилась, давая ей понять, как меня бесит ее наплевательское поведение.

— Деньги на автобус? — Я протянула руку, но Пышка протиснулась мимо меня в узкий коридор, где по стенам криво висели семейные фотографии в разномастных рамках, и вошла в маленькую Г-образную кухню. Там она сняла свой парик «под пажа» и бросила на кухонный стол. Я вошла за ней, кипя от раздражения.

— Твоя мать сказала, что оставит деньги.

Из-под тостера выбежал маленький таракан, и Пышка прихлопнула его ладонью.

— И что мне теперь, делать крюк и идти домой за деньгами? Просто дай мне двадцать центов!

— Дала бы, коли могла. — Пышка встала у раковины и принялась тщательно намыывать руки. — Но до следующей пятницы у меня шиш в кармане.

— А у бабушки что, ни цента нет? — Я уже была на взводе. — А вдруг мама забыла?

— Слушай, девочка, я вчера разговаривала с Инес, и она сказала, что оставит деньги. Не доводи меня; если прямо сейчас выйдешь, все успеешь. — Пышка достала из ящика со льдом банку «Шлица», открыла и сделала большой глоток, а потом выдохнула так, что сразу стало ясно — она об этом пиве всю дорогу до дома мечтала. Еще глоток, и она расстегнула до пояса пуговицы на синем форменном платье. Складки жира у нее на животе аж затряслись от облегчения.

— А лекарство Нини приняла?

Я кивнула, вся кипя от злости, и схватила школьную сумку.

— Она двадцать минут как уснула. В глаза капать следующий раз в одиннадцать.

Дверь в квартиру была открыта, и я чувствовала запах скрэппла¹, который жарила новая соседка на первом этаже. У нее были грудные двойняшки, и они всю ночь дуэтом рыдали.

— Больше не проси меня с бабушкой сидеть.

Пышка рыгнула, потом крикнула мне вслед:

— Слушай, ну я же извинилась. Чего ты хочешь-то, крови моей?

В ответ я хлопнула дверью, а потом мне сразу стало стыдно — вдруг я бабушку разбудила?

Тост, который я сделала себе в дорогу, уже остыл, масло затвердело. Я сунула его в рот, бегом спустилась на два лестничных пролета и выскочила на 28-ю улицу. Ночью прошел дождь, так что в воздухе до сих пор ощущалась влага, а в выбоинах скопились мокрые листья, которые я старалась обходить.

Я уже три недели подряд получала замечания за опоздания, и миссис Томас сказала, что, если я еще раз опоздаю на факультатив, она на меня рапорт подаст. Может, Пышка нарочно пытается мне жизнь сломать? Попасть в программу «Взлет» фонда Армстронга было для меня большой честью, и это знали все, даже Пышка. Со всей Филадельфии отобрали ровно двенадцать негритянских школьников, которые претендовали на полную стипендию на четырехлетнее обучение в университете Чейни, старейшем негритянском колледже в стране. Чтобы стипендия досталась мне, нужно быть безупречной — в том числе не опаздывать. Если я проиграю, колледж и обучение на

¹ Обрезки свинины, обжаренные с кукурузной мукой. Это блюдо популярно на завтрак в штате Пенсильвания, где живет Руби.

оптометриста мне не светит. У нас в семье никто еще в колледже не учился, и на мое обучение средств тоже не было. Так что лентяйке Пышке с ее наплевательским отношением ко времени я не собиралась позволить испортить свое будущее. Тем более сама-то Пышка даже школу не окончила.

По Коламбия-авеню я промчалась мимо Храма Господа. Там у парадного входа стояли женщины с ног до головы в белом и приветствовали прихожан. Из всех окрестных церквей с утра в субботу собиралась только эта, и я постаралась ни с кем не встречаться взглядом, а то вдруг какая-нибудь из этих женщин решит, что меня интересует их Господь и предлагаемое спасение, и начнет заманивать на собрание.

Все так же торопливо я свернула за угол на Тридцать третью. Впереди, возле цирюльни Процесса Уилли, устроились на складных стульях четверо каких-то типов. У двоих была доска с шашками, а бумажные стаканчики держали все четверо — наверное, потягивали что-то горячительное, чтобы не мерзнуть с утра пораньше. Одежда у них была мятая, а взгляды мутные — они явно тут всю ночь просидели. От таких жди проблем.

Я застегнула доверху свою толстую кофту, надеясь, что так они не обратят на меня внимания, но не успела. Стоило мне шагнуть на мостовую, как один из этих типов подал голос.

— Детка, ты такая шикарная, аж плакать хочется.

Его сосед ухмыльнулся так широко, что я заметила отсутствующий у него зуб.

— О да, боже, да. Вся такая как бутылочка кока-колы, аж пить захотелось.

— Наверняка и на вкус сладенькая.

Тот, что был ко мне ближе всего, потянулся схватить меня за руку, но я увернулась.

— Эй, куда торопишься? У папочки есть все, что тебе надо!

Я глянула на него как можно более злобно и поспешила прочь. Мужчины продолжали свистеть мне вслед, и я чувствовала спиной их взгляды. В такие моменты мне хотелось, чтобы существовала кнопка, которой меня можно было бы удалить. Не умереть, ничего такого — просто чтобы меня не было. Ну или как минимум взять булавку и проткнуть мои огромные сиськи, словно шарики с водой. Чтоб я стала плоская как блин и скучная — смотреть не на что. Может, тогда мама бы меня разглядела и перестала на меня шипеть.

Мы снимали квартиру в краснокирпичном здании на углу Тридцать третьей и Оксфорд — уже третью за последние два года. Напротив был огромный парк, но мы не смели туда заходить. Тамошней пышной растительностью я любовалась разве что с нашего крыльца — сидела на проржавевшем складном стуле и смотрела, как краснолицые мужчины играют в гольф, рядом разложены одеяла, корзинки с едой и отдыхают с детьми светловолосые жены гольфистов, а отовсюду громяхают последние хиты Тони Беннета и Перси Фейта.

Взбежав по цементным ступеням к входной двери, я нашарила висевшие у меня на шее ключи. Дверные звонки здесь никогда не работали, а ключ в замке повернулся не с первого раза, пришлось еще потыкать. В дождь дверь заедало, и, чтобы ее открыть,

приходилось со всей силы толкать плечом. Поднимаясь по скрипучей лестнице, я чувствовала, как блузка липнет к спине. Когда я нервничала, у меня вечно лицо и спина потели — ужас просто. До автобуса двадцать минут — еще успею надеть какую-нибудь другую блузку, которую не надо гладить, и попрыскаться духами Инес.

Из передней дверь вела в канареечно-желтую кухню. Я вбежала туда и почуяла запах сигареты. Нервно сглотнув, я утерла лоб рукавом кардигана.

Деньги мне Инес всегда оставляла в одном и том же месте — в бумажной салфетке между двумя ножами для мяса в кухонном ящике. Отодвинув нужный ящик, я увидела салфетку и вздохнула с облегчением, но когда я ее схватила, то почувствовала, что она слишком легкая. Я встряхнула салфетку, потом передвинула другие ножи, надеясь, что деньги просто выскользнули в ящик. Но их не было.

Меня опять прошиб пот, и я попыталась сообразить, что делать дальше. Никаких денег в квартире точно не было: я выбрала всю мелочь еще на прошлой неделе, тогда Инес тоже не оставила мне на дорогу. Я не представляла, сколько времени добираться до Южной Филадельфии пешком, но от одной мысли, что надо будет идти через весь город, у меня голова начала болеть.

Я нервно вцепилась в спинку кухонного стула, у которой плохо прилегал обивка, и попыталась что-то придумать, но тут в кухню вошел Лип, очередной мамин бойфренд, зажав сигарету в желтых от никотина зубах.

— Ты чего тут делаешь? — воскликнула я.

Он склонил голову набок.

- Теперь и ты моя женщина, что ли?
- Ты ж обычно по субботам утром в цирюльне.

Лип подошел к раковине и повернул кран. Несколько секунд вода текла просто так, потом он взял с сушилки стакан и налил себе попить. Пока Лип пил, он всю меня ощупал глазами. Мне всегда было не по себе от его похотливых взглядов, и я старалась держаться от него подальше, но в этот раз не отвела глаз.

У Липа была гладкая кожа цвета вишневого дерева и выпрямленные волосы. Он повязал голову голубым атласным шарфом с узлом на лбу, на шее цепочка, футболка навывпуск. Лип думал, что похож на Нэта Кинга Коула, но на самом деле он был далеко не такой милый.

Когда на кухне мы были вдвоем, она сразу ощущалась тесной и душной. Лип наклонился и стряхнул пепел с сигареты в стеклянную пепельницу, стоявшую среди разбросанных на столе счетов. Я слышала, как тикают настенные часы и как течет вода в туалете дальше по коридору: Лип опять забыл пошевелить ручкой после того, как спустил за собой воду.

- Чего ты тут копаешься?
- Мать сказала, что оставит мне двадцать центов на дорогу до Ломбард-стрит. Ты их не видел?
- Не-а.
- А можешь одолжить мне денег до ее возвращения?

Он ухмыльнулся.

- А что мне за это будет?

До автобуса оставалось десять минут, и я слышала, как кухонные часы отсчитывают драгоценные секунды.

— А чего тебе надо? — Я прикусила ноготь и выплюнула кусочки розового лака.

Лип потушил сигарету.

— Поцелуй.

— Чего? — У меня так заныло в животе от тревоги, что дышать стало трудно.

— Просто поцелуйчик, ничего страшного, а я тебе четвертак дам. — Лип ухмыльнулся, сверкая золотой коронкой на верхней челюсти справа.

Это по десять центов туда и обратно, и еще пять останется на крендель и сок в перемену. Инес на еду мне никогда денег не давала, я сидела на уроках голодная. Сумка вдруг показалась мне очень тяжелой. Я только сейчас поняла, что так и держу ее в руках.

У меня уже сил никаких не было. Отчаянно хотелось попасть на занятия, хотелось заработать стипендию и перестать рассчитывать на то, что стремные бойфренды Инес будут обеспечивать нам крышу над головой.

— Просто чмокнуть, что ли? — Голос у меня срывался; меня злило, что я попала в такую ситуацию, а все из-за матери.

— Угу.

— В щеку?

Он залез в карман, подбросил двумя пальцами четвертак, поймал и шлепнул его на стол.

— В губы.

Меня пробрала дрожь.

Лип сложил руки за спиной и прищурился — точно таким же взглядом он смотрел на Инес, когда хотел, чтоб она «дала ему сладенького», как он это называл. Меня накрыло стыдом. Сглотнув, я заставила себя

подойти к нему, обойдя хромированный кухонный стол.

От того, чтобы попасть на занятия вовремя, меня отделял поцелуй. Один жалкий поцелуй. Это мне по силам. Я закрыла глаза и запрокинула голову, чувствуя, как от него несет вчерашним виски и сегодняшними сигаретами. Меня чуть не стошнило.

Лип прижался своими толстыми губами к моим губам; коленки у меня стукнулись друг о друга. Я почувствовала, как его толстый язык раздвигает мне губы. Я попыталась отодвинуться, но Лип положил одну руку мне на левую грудь, а второй схватил меня за попу, подтянув к себе поплотнее. Я заерзала, но он прижимал меня все крепче, тыча своей штукой мне в бедро поверх юбки.

— Да хватит! — я уперлась локтями ему в талию и попыталась высвободиться. Но он держал меня крепко.

И тут дверь в квартиру распахнулась. Лип отшатнулся и отпихнул было меня, но не успел. Большие глаза Инес ошеломленно уставились сначала на него, потом на меня.

— Какого черта? — воскликнула она, роняя коричневый бумажный пакет с покупками. Я услышала, как что-то разбилось, когда он упал на линолеум.

Лип попятился еще дальше от меня, вскинув руки в воздух, будто перед полицейским.

— Это все она! Сказала, ей деньги на автобус нужны. Повисла на мне, я и поделать ничего не успел.

— Врешь! — прошипела я. — Это ты виноват!

— А ну вали отсюда. — Мама вскинула руку, будто собиралась сделать предупредительный выстрел. Из

хвоста у нее выбились пряди, а кожа — обычно такого же орехового оттенка, как у меня, — побагровела.

Я повернулась к Липу, чтобы увидеть, как он реагирует. Наконец-то мама приняла мою сторону! И тут я поняла: она смотрит на меня. Она это мне говорит. Меня винит. Ее взгляд резал меня как ножом.

— Давай, иди отсюда, из молодых да ранних!

Я подхватила четвертак, а когда подошла к двери, мама меня еще и в затылок пихнула.

— Нечего лезть к моему мужику! Веди себя как ребенок!

Она с такой силой захлопнула за мной дверь, что дверные петли аж затряслись. Я двинулась вниз по крутым ступеням, хватаясь за перила, чтобы не упасть. На улице я попыталась прогнать из головы всю эту сцену, но пока бежала три квартала до автобусной остановки, все так и чувствовала впившиеся в меня пальцы Липа и обжигающую ярость Инес.

Автобус подъехал к тротуару, когда мне оставалось полквартала. Я пустилась бежать быстрее — колени под юбкой ходили туда-сюда, сумка колотилась о бедро. Я закричала и замахала руками, пытаясь привлечь внимание водителя. Оставалось всего несколько метров, и тут дверь закрылась. Я успела постучать кулаком по металлической обшивке автобуса.

— Подождите, пожалуйста! — заорала я.

Но водитель отъехал от тротуара, будто не слышал меня. Будто я не имела никакого значения. Будто меня не существовало. Я швырнула школьную сумку на землю, потом наклонилась и сплюнула, чтобы избавиться от невыносимого вкуса Липа во рту.

Глава 2

Вашингтон, округ Колумбия, октябрь 1948 года

В СТРОЮ

Элинор

Элинор деловито шагала по территории университета Говард, сжимая в правой руке письмо. На штемпеле была эмблема Альфа Бета Хи, так что она знала — внутри то, чего она ждала: ответ на ее просьбу о вступлении в сестричество.

Весь прошлый год она наблюдала за девушками из Альфа Бета Хи, за тем, насколько важную роль они играли в университете. Шикарно выглядели — всегда в одинаковых сиреневых шарфах, облегающих трикотажных свитерах, в туфельках на каблуке и с блестящими кудряшками. Занимались важными вещами — организовывали передвижные библиотеки для детей сельского Юга, рисовали плакаты в помощь Мэри Чёрч Террелл, которая неустанно боролась с запретом для чернокожих посещать общественные места, и собирали еду для бедных. А еще — и это самое важное — они круче всех в университете танцевали степ. Когда они встряхивали хорошенькими головками, что-то выкрикивали, притопывали и прихлопывали, все вокруг останавливалось и смотрели. В университете были и другие сестричества, но девушки

в серебряном и сиреневом явно были круче всех — а теперь Элинор перешла на второй курс, наконец получила право претендовать на вступление в сестричество, и ей очень хотелось в АБХ, как их часто называли.

Она пересекла газон, стараясь не наступить на студентов, которые занимались или отдыхали между лекциями на траве, и взбежала по лестнице к своей комнате в общежитии, по пути нечаянно отдавив какому-то молодому человеку ногу — уж больно она была большая.

— Ох, извините! — крикнула Элинор через плечо и поспешила к своей комнате, которая располагалась по левой стороне коридора.

Сердце у Элинор взволнованно стучало. Она попыталась успокоиться, прижав письмо к груди. Наверняка там приглашение в сестричество! Оно изменит ее жизнь. Сделает ее яркой, а не скучной. Популярной, а не незаметной. Сделает частью веселой компании, а не одинокой простушкой.

Элинор не представляла, где взять деньги на вступительный взнос, — после трех семестров родители уже с трудом наскребали плату за учебники и все необходимое. Но это мелочи, она что-нибудь придумает. Элинор просунула палец под клапан конверта из дорогой плотной бумаги и принялась его отклеивать. Руки у нее дрожали. Из конверта выпал листок такой же дорогой бумаги.

1 октября 1948 года

*Дорогая мисс Куорлс,
большое спасибо за заявку на вступление и интерес,
проявленный к сестричеству Альфа Бета Хи. Мы ценим*

Ваш энтузиазм и уважение к членам АБХ и к нашим задачам. У Вас правильный настрой, но в этом году у нас было много интересных заявок и мы не сможем предложить Вам место. Старайтесь участвовать в жизни студенчества, хорошо учитесь и попробуйте еще раз в следующем году.

*Ваша сестра по духу
Грета Хепберн,
президент «Альфа Бета Хи, Инкорпорейтед»*

Перед глазами у Элинон все расплывалось; она несколько раз моргнула, потом перечитала письмо еще раз, теперь помедленнее. Она вчитывалась в каждое слово, пытаясь выжать из него значение, противоположное тому, что прочитала в первый раз. Но к третьему прочтению глаза у нее уже жгло от слез. Она все правильно прочла, ей действительно отказали. Элинон скомкала письмо, и тут в комнату вбежала ее соседка Надин Шервуд.

— Почему у тебя такой вид, будто кто-то умер?

Элинон сунула смятое письмо подруге. Надин расправила его одетой в перчатку рукой, просмотрела, а потом бросила в мусорную корзину возле комода.

— Знала бы, что ты хочешь в АБХ, — сразу бы тебя предупредила, что этим все кончится. Чего ты мне не сказала-то? — Надин сняла жакет, одновременно скинув туфли с открытым носком.

— Хотела тебя удивить.

— Милая моя, все знают, что они берут только девушек, у которых волосы прямые как линейка, а кожа светлее бумажного пакета. Как ты-то этого умудрилась не заметить? — Надин уселась на свою кровать,

постукивая пальцем по золотому портсигару. — Иногда ты ведешь себя так, будто Огайо на другой планете.

Элинор уже слышала такое про АБХ, но решила, что это просто сплетни. Во-первых, потому что глупо же судить о девушке по цвету кожи, а во-вторых, она знала как минимум двух студенток, которые попали в АБХ и не соответствовали этим требованиям.

— Миллисент в АБХ, а у нее кожа темнее моей.

— Папа Миллисент судья, и семья у них богатая. — Надин закурила «Честерфилд». — Ее мать была в АБХ, и ее родители оба окончили Говард. Это называется «места по наследству».

Этого Элинор не знала. Для нее все это было в новинку. Она развернулась и уставилась на себя в зеркало, висевшее справа от двери. Глаза до сих пор заплаканные, а еще кожа теплого бронзового оттенка, широкий нос, высокие скулы и неплохая копна на голове. Так о ее волосах всегда говорила мать, водя по ним расческой-выпрямителем каждое воскресенье перед церковью. Элинор говорили, что она симпатичная, но она никогда не считала свой цвет кожи достоинством или недостатком. Он просто такой, какой он есть.

Честно говоря, Элинор даже не знала, что неграм есть дело до цвета кожи друг друга, пока год назад не приехала учиться в негритянский университет. В Огайо ближайшими соседями семьи Элинор были итальянцы и немцы, а чуть подальше в их квартале поселилась еще и польская семья. В ее городе негры были слишком заняты тем, чтобы уживаться с соседями, и на то, чтобы соревноваться между собой, их уже не хватало.

— И что мне теперь делать?

— Забыть про этих выпендрежниц и сходить со мной сегодня на танцы.

Элино́р выдохнула. У На́дин на все был один ответ — сходить на вечеринку. Удивительно, когда она вообще успевала учиться.

— Мне надо работать.

— Ты вечно работаешь. Считается, что колледж — это лучшие годы нашей жизни, а ты никогда не расслабляешься. По-моему, ты в этом году еще ни разу не была на хорошей вечеринке.

— Я должна получать хорошие оценки, На́дин. Мои родители столько убивались на работе, чтобы я могла учиться, и я не могу все это профукать, отплясывая линди-хоп.

Элино́р хотелось добавить: «В отличие от тебя, я не в рубашке родилась», но На́дин таких слов не заслуживала. Она всегда вела себя с Элино́р по-дружески, никогда не подчеркивала различия между ними.

На́дин встала и распахнула шкаф — он считался общим, но на самом деле почти все вещи там принадлежали ей. Подвигав туда-сюда несколько шикарных платьев, юбок и шелковых блузок, На́дин бросила на кровать Элино́р платье с круглым декольте.

— Я в него больше не влезаю. По-моему, как раз твой размер.

Элино́р чуть не расплылась в улыбке, но сдержала себя. Платье было чудесное. С пояском на талии, идеального розового цвета, материал атласный и мягкий на ощупь.

— Хватит меня искушать, — сказала она, отворачиваясь.

— Танцы вмиг прогонят тоску-печаль, — с усмешкой произнесла Надин и снова уселась на свою кровать. — И кстати, линди-хоп давно никто не танцует.

Элино́р покачала головой и полезла под кровать за своими единственными приличными туфлями на танкетке. Новыми они были ей маловаты, но за полгода Элино́р их разносила, и туфли наконец стали более или менее удобными. Смена у нее начиналась через полчаса, библиотека на другом конце студенческого городка — пора было идти.

Надин потушила сигарету и строго посмотрела на Элино́р.

— Отказы не принимаются.

Элино́р невольно взгляделась в тонкое лицо Надин. Если это правда насчет АБХ, Надин как раз вполне им подходила — правда, ее такие вещи, похоже, совсем не интересовали. Надин всю жизнь прожила в Вашингтоне, округ Колумбия, и ей не приходилось так стараться, как Элино́р, чтобы вписаться в общество. Фамилия открывала для Надин все двери, ей и пальцем шевелить не требовалось, чтобы завязывать связи.

— Ладно, я пойду.

— До вечера. Имей в виду, Огайо, — промурлыкала она, называя Элино́р прозвищем, которое сама ей дала, — я тебя дождусь, а потом буду пилить, пока ты не наденешь это платье.

— Я даже не заказывала пропуск на выход на сегодня.

— С начальницей общежития я разберусь, — отозвалась Надин.

Элино́р раздраженно кивнула и закрыла за собой дверь. Полученное письмо так подорвало ее уверенность в себе, что ей сложно было думать о вечеринках.